

МИНИСТЕРСТВО И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

8 сентября 2002 года исполнится 200 лет со дня опубликования Манифеста об учреждении Министерств. Это решение верховной власти Российской Империи заложило структуру центральных исполнительных органов управления, которая в общих чертах действует и по настоящее время.

Среди семи учрежденных согласно Манифеста министерств было и Министерство Народного Просвещения. Известно, что наименование министерства было предложено лично Императором Александром I, придававшим особое значение развитию образования в России.

Спустя менее полугода, 24 января 1803 г., были утверждены Предварительные Правила Народного Просвещения, явившиеся концепцией целостной системы государственного образования России. Один из заложенных Предварительными Правилами принципов – принцип преемственности уровней образования, не утратил актуальности и сегодня.

Предварительными Правилами было задано также формирование сети высшего образования России. Ими устанавливалось, что «учреждаются университеты для преподавания наук в высшей степени»* и что «ныне назначается их шесть, а именно, кроме существующих уже в Москве, Вильне и Дерпте, учреждаются в округе С-Петербургском, Казани и в Харькове... Затем предназначаются для университетов города: Киев, Тобольск, Устюг-Великий и другие, но по мере способов, какие найдены будут к тому удобными». Заметим, что Предварительными Правилами не только намечался общий план развития университетской сети, но и решалась задача интеграции ранее существовавших университетов во вновь создаваемую систему российского образования.

Среди существовавших в России до учреждения Министерства Народного Просвещения университетов старейшим являлся Виленский университет. Он

был основан в 1578 г., а в 1781 г. реорганизован «сообразно степени познаний у просвещеннейших народов Европы», а 4 апреля 1803 г. состоялся новый акт утверждения Виленского университета, установивший его структуру и систему управления, права и преимущества для работников университета в соответствии с новыми намерениями верховной власти. Однако образом российского университетского образования стал Московский университет, хотя и позже открытый – указ был подписан Елизаветой 12 января 1755 г., а торжественное открытие состоялось 26 апреля, но созданный как культурный и научный центр Империи на основании отечественного проекта и плана, подготовленного И.И. Шуваловым и М.В. Ломоносовым. Впоследствии Устав, которым руководствовался Московский Университет, «начала коего остались и поныне без всяких перемен коренным законом сего высшего учебного заведения», был принят за основу первого общеуниверситетского устава 1804 года. Другой имевший отдельный устав университет – Дерптский, акт утверждения которого состоялся 12 декабря 1802 года, чуть ранее утверждения общеуниверситетского устава 1804 г. Однако и в последующие годы Виленский и Дерптский университеты, являясь по статусу Императорскими, сохраняли особое устройство, законодательно закрепляемое особыми уставами. Не подлежал действию общеуниверситетских уставов и Варшавский университет. Причины особого законодательного регулирования указанных учебных заведений безусловно состояли в особой этно-национальной и вероисповедной специфике регионов, в которых эти университеты располагались. Развитие сети высшего образования было продолжено созданием Высочайшим повелением «Быть сему» 8 февраля 1819 года Санкт-Петербургского университета. Этот университет был учрежден на базе

* Все использованные в статье цитаты взяты из документов Министерства Народного Просвещения Российской

Главного педагогического института, ставшего его структурным подразделением. Согласно постановлению Санкт-Петербургский университет сохранял принятое ранее разделение на три факультета, как это было установлено § 38 Устава Главного Педагогического института. Вместе с тем был сохранен в качестве отдельного учебного заведения, входящего в Санкт-Петербургский учебный округ, Второй разряд Главного Педагогического института, учрежденного 25 октября 1817 года. Он стал находиться в ведомстве Санкт-Петербургского университета и стал называться Учительским институтом. Заметим, что становление педагогического образования как самостоятельной ветви высшего образования правомернее рассматривать в логике дальнейшей дифференциации высшей школы в XX веке.

Только через несколько лет, 4 января 1824 г., было принято решение о распространении на Санкт-Петербургский университет Устава, которым руководствовались российские университеты. Кроме того, в ведении Санкт-Петербургского университета, как было установлено существовавшей на данный период структурой образовательной системы, стал состоять Санкт-Петербургский учебный округ.

Следующим шагом в развитии сети высшего университетского образования стало создание 25 декабря 1833 г. Императорского университета Св. Владимира. Хотя к этому времени был накоплен определенный опыт функционирования университетов на основании Общего Устава университетов 1804 г., проект устава нового Императорского университета был утвержден сроком на четыре года. Предполагалось по истечении четырех лет «все подтвержденное и оправданное опытом» ввести в состав окончательного устава с внесением необходимых дополнений и изменений. Однако в июле 1838 г., исходя из того, что университет, «сделавший лишь первый шаг в течение кратковременного своего существования, не успел еще довольно ознакомиться с действительными своими надобностями», было решено еще несколько лет продлить действие временного устава. Одна из причин продления действия временного Устава состояла в том, что этно-национальный состав студентов Университета составляли не только русские, но и польские уроженцы. По этой причине верховная власть считала, что устав университета должен иметь «отличительные черты против других университетов».

В целом проект Устава университета Св. Владимира был аналогичен уставам других российских университетов, но некоторые его статьи отражали специфические особенности, «требуемые местными уважениями и усовершенствованием учебной части». Важнейшие различия состояли в ином распределении предметов преподавания и в порядке окончательных испытаний. В структуре университета Св. Владимира, помимо имевшихся при других российских университетах педагогического и медицинского институтов, полагался юридический институт и «заведение для недостаточных студентов». Их финансирование осуществлялось за счет

ежегодно получаемой из Капитула Императорских и Царских Орденов особой суммы, поступающей в состав общих доходов университета.

В дальнейшем число российских университетов пополнилось Новороссийским университетом (в Одессе; 1866).

Таким образом, формирование нормативно-правовой базы высшего образования отличалось не только тщательностью, но и стремлением учитывать региональные особенности. Кроме того, поступление в состав доходов университета дополнительных финансовых сумм из особых источников, помимо Государственного казначейства, можно расценивать как вариант многоканального финансирования.

В последней четверти XIX века начали создаваться высшие учебные заведения Сибири: открыт университет в Томске (25 мая 1888 г.), Восточный институт во Владивостоке. Появились высшие политехнические учебные заведения: Харьковский технологический институт (1885), Екатеринославский горный институт (1889), Киевский (1898), Петербургский (1902), Донской (в Новочеркасске; 1909) политехнические институты. Их уставы опирались на разработанное к этому времени законодательство. В целом позиция верховной власти относительно порядка организации высшего образования и статуса преподавателей достаточно определялась, в уставных документах появились стандартные формулировки. Поэтому аналогичные статьи в уставах в целом формулировались одинаково и не имели каких-либо специфических черт.

Наряду с университетами в первой половине XIX века в Российской Империи было создано несколько особых высших учебных заведений, каждое из которых руководствовалось собственным уставом и было нацелено на решение воспитательно-образовательных задач профессиональной направленности. Например, Демидовский Лицей («Ярославское Училище вышних наук»; 1805) предназначался для юридической подготовки, Ришельевский Лицей в Одессе (1817) имел филологический профиль, Лицей князя Безбородко, главной целью которого было «распространение основательных сведений по части отечественного законодательства», а Лазаревский Институт в Москве специализировался на восточных языках.

В отличие от университетов, организационным и содержательным образцом для которых служили германские университеты, в этих высших учебных заведениях религиозному образованию и воспитанию отводилось более значительное место.

В специальном отделении Лазаревского Института для «армянского юношества из духовного звания» могли обучаться от 15 до 20 воспитанников, которые после завершения обучения в этом отделении были подготовлены к посвящению или в духовное звание, или учителями в Армянские семинарии по епархиям, или же в должности по эчмиадзинскому армяно-григорианскому синоду, армянским консисториям и духовным правлениям. При этом для тех из воспитанников, которые по рекомендации на-

чальства института намечались для посвящения в духовное звание, помимо предметов, положенных по уставу Института, назначались дополнительные лекции, включавшие курс догматического богословия, в соответствии с правилами вероисповедания армяно-григорианской церкви, курс толкования Священного писания, изучение литургии и церковной истории. Сверх того для них специально объяснялись обязанности истинного пастыря церкви к своему сану, правительству и к людям вообще. Однако для занятия духовной должности надо было обязательно представить свидетельство о достаточном знании ими русского языка.

Возможно, своеобразные отклонения указанных учебных заведений от общей структурно-организационной линии российских учреждений высшего образования были связаны с тем, что они создавались не на государственный счет, а на пожертвования: на создание Демидовского Лицея было пожертвовано 100 000 рублей недвижимым имуществом и капиталом, Московский институт восточных языков был создан по инициативе и на средства для сооружения институтского дома и его содержания семейства Лазаревых.

Для учебных заведений, ориентированных на подготовку работников для промышленных нужд, была характерна двоякая цель образования: «учебно-практическая» и «чисто-практическая». На базе кустарно-ориентированных промышленных училищ начинает развиваться высшее техническое образование. Так, 1 июня 1868 г. Императором Александром II был утвержден новый устав Ремесленного учебного заведения при Московском воспитательном доме. Отныне ремесленное училище становилось высшим специальным учебным заведением – Императорским Московским Техническим Училищем. К 1895 г. в России было создано 11 высших технических учебных заведений, состоявших в ведении не только Министерства Народного Просвещения, но и других министерств (земледелия, государственных имуществ, путей сообщения и др.).

Интересно также заметить, что в первой половине XIX века профессионально-ориентированные учебные заведения (сельскохозяйственного, военного и др. профиля) зачастую имели особую структурно-функциональную организацию: единое учебных заведений включало все образовательные уровни: начальное, среднее и даже высшее образование. Практически это означало, что единое учебное заведение состояло из трех отделений (уровней), из которых первое отделение соответствовало уровню приходского училища, второе – уровню уездного, а третье составляло собственно гимназию (лицей, институт). Однако этот опыт не получил дальнейшего развития в Российской Империи. Более того, было признано нецелесообразным совмещать разные уровни образования в едином учебном заведении, и постепенно эти учебные заведения трансформировались либо в средние, либо в высшие учебные заведения, имеющие соответствующую профессиональную направленность.

Законодательное регулирование высшего университетского образования на протяжении XIX века вплоть до 1917 года осуществлялось общеуниверситетскими Уставами – 1804 г., 1835 г., 1863 г., 1884 г. – определявшими структуру и порядок функционирования университетского образования в России.

Помимо этих документов, нормативно-правовая база высшего образования включала уставы и положения, устанавливавшие порядок функционирования высших учебных заведений профессиональной направленности: юридической, филологической, технической, коммерческой, сельскохозяйственной. Отметим, что профессиональные учебные заведения высшего образования гуманитарного профиля в России были созданы ранее, нежели учебные заведения технического профиля, которые фактически до середины XIX века не имели цели предоставления своим воспитанникам высшего образования.

Концептуальным документом, определившим основания университетского образования, стали Утвердительные Грамоты Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов. Этим документом были установлены их «особые права и преимущества», в том числе цели университетского образования, структура управления, права на выдачу документов об образовании и возведения в университетские степени, права собственности, а также порядок чинопроизводства и материального обеспечения профессорского состава. Одновременно с Утвердительными Грамотами были утверждены новые университетские уставы. Университетский Устав 5 ноября 1804 г. стал первым комплексным законодательным актом в сфере высшего образования. Состав комиссии, подготовившей этот Устав, включал в основном попечителей учебных округов. Это были Муравьев, Новосильцев, Клинггер, Чарторьжский, Разумовский, Потоцкий. Первые университетские уставы последовательно реализовывали выборный принцип как основу автономии, которой наделялось академическое сообщество. Достаточно показателен в этом плане общий порядок избрания «во все университетские места» и должности. Например, п. 22 Устава Виленского Университета был установлен следующий порядок избрания профессорско-преподавательского состава: «Все ординарные Профессоры, не исключая и Профессоров Богословия, избираются от Университета следующим образом: 1) Извещается о упразднившемся профессорском месте, на которое имеет быть выбран другой Профессор. 2) Всяк, желающий заступить оное место, обязан представить в Университет свои сочинения, изданные или рукописные, равным образом общее мнение свое о той науке, о которой идет дело, о предмете оной, о ее пространстве, пределах, успехах, действительном или настоящем состоянии, удобнейшем способе ее преподавания, и различных писателях, лучшим образом объяснивших разные относящиеся к ней предметы. 3) Университет, по рассмотрении сочинений и бумаг и по собрании особенных сведений о тех, от кого оные доставлены, присту-

пает к выбору Профессора по балотирации. 4) Университет доносит о выбранном Профессоре своему Попечителю, который представляет об нем Министру». Уровень автономности университетов показывает также тот факт, что по Уставу каждый из университетов учреждал собственный Цензурный Комитет, в состав которого входили деканы всех факультетов. Уставом были оговорены функции всех других лиц, входивших в Цензурный Комитет. Задача Цензурного Комитета состояла в том, «чтобы отвратить издание сочинений, коих содержание противно Закону, Правительству, благопристойности, добрым нравам и личной чести какого-либо частного человека». Впоследствии эта функция перешла в компетенцию Министерства Народного Просвещения, в структуре которого было создано Цензурное управление, а 14 января 1863 г. указом Правительствующему Сенату Цензурное управление было передано Министерству Внутренних Дел. Данный факт может расцениваться как оправданная специализация управленческих компетенций, а может трактоваться и как ограничение университетской самостоятельности, усиление полицейской роли государства. Среди «преимуществ», заложенных в первом общеуниверситетском Уставе и сохранных во всех последующих Уставах, были такие права, как свобода профессорского жилья «от постоя и платежа квартирных денег», освобождение университетской почты от всех пошлин и «употребления гербовой бумаги». Были предоставлены также значительные таможенные преимущества: «Все, что Университет для употребления своего по учебным и художественным предметам выписывает из чужих краев, как то: книги, машины всякого рода и всякие художественные вещи, дозволяется привозить беспрепятственно и беспошлинно, как морем, так и сухим путем, и, во избежание какого-либо вреда, пограничная Таможня не вскрывает ящиков, Университету адресованных, но, приложив клейма, при сообщении пропускает далее с тем, чтобы оные в самом Университете в присутствии Магистратского Члена вскрыты и освидетельствованы были». Можно предполагать, что указанные льготы реально содействовали укреплению материальной базы университетов. С первых этапов формирования отечественной системы образования России университеты рассматривались как источник роста для образовательной системы в целом. Эта особая роль университетов проявилась главным образом в том, что согласно первому закону по образованию – Предварительным Правилам Народного Просвещения 1803 г., университетам были приданы управленческие функции, и именно университет являлся ядром учебного округа. Эта функция была закреплена и Уставом 1804 г. Устанавливалось, что, будучи главным звеном в общей системе народного просвещения, университет является также и органом управления для учебных заведений целого округа, не переставая при этом быть учебным заведением. В качестве центра управления училищами своего округа университет назначал и увольнял смотрителей, учителей, представлял на утверждение Министру директо-

ров губернских гимназий, направлял инспекторов (визитаторов) из профессоров для осмотра училищ. Для решения организационно-управленческих вопросов училищ в университете образовывался специальный училищный совет, в состав которого входили ректор и шесть избранных советом университета ординарных (т.е. находящихся в штате университета) профессоров. В компетенцию Училищного совета входило также ежегодное представление отчета о состоянии образования в округе совету университета. Принятие Устава Императорских Российских Университетов 26 июля 1835 г. было продиктовано необходимостью освободить университеты от управленческих функций в отношении учебных заведений начального и среднего образования. Эти функции были переданы от университетов попечителям учебных округов, ставшим по своим функциональным обязанностям, говоря современным языком, начальниками управления образованием региона. Положение об учебном округе 1935 г. можно рассматривать в качестве документа, установившего новую управленческую вертикаль в системе образования России. Новый Устав установил для университетов новую структуру, порядок внутреннего управления и организации обучения, компетенции руководства и начальствующих лиц, а также права и обязанности профессорско-преподавательского состава, процедуру их избрания. Следующая университетская реформа 1863 г. состояла в структурно-функциональных изменениях, во многом связанных с совершенствованием управления университетами. Как указывает историк С.В. Рождественский, все нововведения устава 1863 г. группируются вокруг четырех главных пунктов: управления университетами, учебных планов факультетов, обеспечения университетов профессорами, организации учащихся. Общий Устав Императорских Российских Университетов 18 июня 1863 г. был Высочайше утвержден указом Правительствующему Сенату, и его было предписано ввести в С-Петербургском, Московском, Харьковском, Казанском университетах и Св. Владимира в Киеве. Подготовку Устава вела комиссия, в состав которой входили фон-Брадке, барон Николаи, Вяземский, Филипсон, Бунге, Исаков и др. Из всех четырех уставов, регулировавших систему университетского образования России, Устав 1863 г. наиболее широко и обстоятельно обсуждался с заинтересованными специалистами и общественностью. На проект устава было получено 63 мнения университетских советов, 38 мнений светских и духовных лиц. В частности, на текст Устава дали свои замечания и предложения следующие церковные деятели: архиепископ Черниговский Филарет, епископ Харьковский Макарий, епископ Смоленский Антоний, ректор Литовской духовной семинарии архимандрит Иосиф, архимандрит Савва, духовенство Киевской епархии. Было получено 19 мнений западноевропейских профессоров и педагогов из Германии, Англии, Франции, Бельгии, Швейцарии. Таким образом, история реформирования высшей школы России демонстрирует нам примеры

широкого гласного обсуждения намерений правительства по организации университетского образования. Основа университетского управления – принцип автономии, в уставе 1863 г. был развит. Устав допускал разнообразие общих норм применительно к каждому университету в зависимости от местных условий и потребностей. Вместе с тем было указано, что все университеты в христианском мире имеют более или менее одинаковое устройство и существуют для одной и той же цели – развития и распространения науки, которая во всех странах одна и та же. В компетенцию попечителя учебного округа входило право следить за внутренней жизнью университета только по подлинным протоколам заседаний советов. Значение ученых советов и факультетских собраний как самоуправляющихся структур было непреложным. Министерство циркулярно разъяснило точный смысл разных статей устава и провело мероприятия, которые давали определенное направление развитию той или другой стороны университетской жизни. Исторический опыт действия Университетского Устава 23 августа 1884 г., утвержденного для законодательного регулирования функционирования С-Петербургского, Московского, Харьковского, Казанского, Св. Владимира (в Киеве) и Новороссийского (в Одессе) университетов, показывает последствия их полного подчинения правительственному контролю. Уставом 1884 г. был устраним краеугольный камень университетской автономии – выборный принцип. Все подробности учебной организации, администрирования и хозяйствования университетов разрабатывало министерство. Расширились средства надзора за университетом со стороны министра, который следил за результатами преподавания посредством испытательных комиссий, назначал и повышал по службе профессоров, избирал и назначал своим приказом ректоров. Права ректора сузились до административных функций. Начальником университета стал попечитель учебного округа, который был наделен правами созывать совет, правление и факультетские собрания и присутствовать на их заседаниях. Попечителю было вменено высшее руководство по охранению порядка и дисциплины в университетах. Однако одним из результатов всеобъемлющего надзора и контроля стал рост студенческих беспорядков. Началась подготовка новой университетской реформы, при этом с 1905 г. функционирование университетов регулировалось «Временными Правилами». Министерство неоднократно вносило в Государственную Думу проекты нового университетского устава, но ни один из них не был утвержден. Со временем реформа высшего образования будет осуществлена, но при совершенно ином государственном устройстве. Организация приема абитуриентов в отечественной системе высшего образования представляет разнообразные образцы как ограничительного, так и максимально демократического характера. Первоначально организация приема в университеты носила открытый характер. Согласно § 110 Устава 1804 г. для поступления в университет тем, кто окончил

гимназию, было достаточно представить необходимые документы, а тем, кто не обучался в гимназии, необходимо было пройти испытания, состоявшие в проверке знаний по языкам и по гимназическим предметам в объемах, необходимых для слушания курса: «Желающий... должен представить Правлению Университета свидетельство о своем состоянии и свидетельство Директора Гимназии о поведении, прилежании и успехах в преподаваемых там науках: прочие, вне Гимназии обучавшиеся, испытываемы быть должны в Комитете, от Ректора назначаемом, в языках и начальных основаниях нужных наук, и со свидетельством, какое получают о знаниях, являются в Правление».

В 1837 г. впервые были изданы «Правила испытаний для желающих поступить в университеты». Этот распорядительный документ появился на фоне попыток ввести ограничения на поступление в университет лиц нижних состояний. Обсуждалось введение таких косвенных ограничительных мероприятий, как увеличение платы за обучение, воспрещение приема лиц податного состояния на казенный счет, введение требования предоставлять свидетельство о материальной обеспеченности и пр. Однако верховная власть присоединилась к мнению попечителя Московского округа графа Строганова, считавшего, что «всякие стеснительные меры к остановлению юношества от вступления в университеты... повлекут за собою вредные последствия для распространяющегося у нас народного просвещения и едва ли будут согласны с общественным мнением».

Тем не менее линия на отбор абитуриентов и усиление контроля за благонадежностью будущих студентов была продолжена. И во второй половине XIX века, в 1880 году, согласно распоряжению Министерства Народного Просвещения, начальство средних учебных заведений обязывалось сообщать университетам «полные и обстоятельные сведения об образе мыслей и наставлении желающих поступить в них молодых людей, об их склонностях, условиях материального быта и общественной среды, к коей принадлежат их родители». Эти секретные характеристики на абитуриентов были циркулярно отменены министерством летом 1902 года и заменены выписками из кондута за последние два года обучения. Одной из проблем, решавшихся на первых этапах становления системы высшего образования России, был вопрос о русском языке как языке преподавания. Впервые в Уставе Главного Педагогического Института (1816) было установлено, что все учебные предметы преподаются на русском языке. Во всех ранее утверждавшихся уставах в качестве языка преподавания могли использоваться латынь, немецкий, а в северо-западных территориях – польский. Развитие и совершенствование русского языка, главного средства формирования «народности», рассматривались как одна из целей университетского образования. Но даже в середине XIX века эта проблема сохраняла актуальность для «окраинных» университетов. Так, 15 мая 1853 г. было подписано повеление «Об уч-

реждении в Дерптском Университете особой кафедры русской истории и печатании конспектов преподавания на русском языке». В докладе, представленном на утверждение Государя Императора, указывалось, что в Дерптском университете преподавание русской истории слито со всеобщей, хотя и выделено в особый раздел, и что преподавание этого предмета ведется на немецком языке. Отмечалось, что профессор Крузе, занимающий кафедру всеобщей истории, хотя «совершенно благонадежен и учен, но не знаком с нашим языком». Министр Народного Просвещения, обращая внимание Императора на данное обстоятельство, замечает: «Такое поверхностное преподавание нашей истории, не почерпаемое прямо из источников и направленное с точки зрения немецкой учености в земле, где преобладание русского элемента так важно, не должно, полагаю, долее оставаться в этом неудовлетворительном положении». Кроме особой роли русского языка, как языка преподавания, Министр подчеркивал также и роль отечественной истории в высшем образовании: «По важности своего значения кафедра нашей отечественной истории во всех университетах, кроме Дерптского (который пользуется особым уставом), составляет предмет отдельный, самостоятельный, обращающий на себя после кафедры закона Божия особенное внимание».

Вывод, сделанный на основании доклада, свидетельствует о намерении организовывать отечественную систему высшего образования как национальную, опирающуюся на патриотизм и уважение национального достоинства: «Кафедра русской истории в Дерптском университете должна быть как и везде отдельною и занята коренным русским профессором, вполне оживленным чувствами любви к своему отечеству... Заметив вместе с сим, что печатаемые и рассылаемые конспекты преподавания в Дерптском университете составляются не иначе, как на немецком языке, как бы конспекты какого-нибудь германского университета, я считаю и это неприличным...»

На всех этапах становления высшего образования России состав учебного курса университетов и других высших учебных заведений отличал энциклопедизм, безусловно, поддерживаемый министерством посредством соответствующего утверждения профессорско-преподавательских штатов. Единственным предметом из учебного курса высшего образования, относительно места которого верховной властью было принято общее для всех учебных заведений конкретное решение, была философия. В составе учебного курса университетского образования начала XIX века философия как предмет занимала обычное место среди других предметов преподавания в отделении (факультете) нравственных и политических наук. Например, Уставом Виленского Университета (18 мая 1803 г.) для преподавания философии предусматривались два профессора: профессор логики и метафизики и профессор нравоучительной философии. Изучение философии входило в состав учебного курса Педагогического Института в Санкт-

Петербурге. В Уставе Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов (5 ноября 1804 г.) преподавание философии обеспечивалось Профессором Умозрительной и Практической философии по отделению (факультету) Нравственных и Политических Наук. Отметим, что изучение философии было введено даже в учебный план гимназий по Уставу учебных заведений, подведомых Университетам (5 ноября 1804 г.), которым был предусмотрен «начальный курс Философии и Изыщных Наук», который вверялся учителю, преподававшему философию, изыщные науки и политическую экономию. Предмет «философия» входил в учебные планы Ярославского высших наук училища (28 января 1805 г.), третьего отделения Коммерческой Гимназии в городе Таганроге (1 сентября 1806 г.), Киевской гимназии (13 октября 1811 г.), Главного Педагогического Института (23 декабря 1816 г.), в классе высших наук Ришельевского Лицея (2 мая 1817 г.). Вместе с тем обучение философии не предусматривалось составом учебного курса военных учебных заведений, учебных заведений профессиональной направленности (медицинских, повивальных бабок, землемеров и т.д.). Таким образом, хотя относительно преподавания философии не существовало единого установления для учебных заведений среднего образования или профессиональных учебных заведений, однако в университетских учебных планах философия обязательно присутствовала в рамках факультета нравственных и политических наук, наряду с такими предписанными уставами богословскими предметами, как нравственное богословие, догматическое богословие, практическое богословие, церковная история. Философия входила в список предметов, подлежащих изучению, когда для подготовки кадрового состава вновь создаваемых российских университетов было организовано обучение студентов за рубежом. В частности, при направлении студентов Санкт-Петербургского Педагогического Института «в чужие края» для подготовки к занятию профессорских должностей посредством «усовершенствования себя в науках» в ведущих зарубежных университетах, они, студенты, получали подробные инструкции относительно порядка и содержания их обучения. В специальной инструкции студентам были даны подробнейшие указания относительно содержания и последовательности изучения разных наук за рубежом, в том числе и философии. Причем относительно изучения философии в инструкции указывалось, что «в нынешнем состоянии философских наук, после различных перемен, правилами ее претерпенных, в последнем веке учение оной подвержено особливим затруднениям, и молодой человек имеет теперь, более чем когда-либо, нужду в удобном введении к благоразумному плану учения и в хорошем наставлении, чтоб сделаться прямым философом, полезным гражданином и не быть подвержену опасности быть расказчиком пустых умствований или бессмысленным распространителем мистических заблуждений». Особая опасность виделась составителю инструкции в метафизике, которая, по его мнению, «издавна

служит игрищем различных сект». Одно из наставлений будущему философу состояло в рекомендации «привыкать мыслить через Математические науки». Таким образом, хотя в философии как предмете усматривалась опасность, однако она не исключалась из учебных планов высших учебных заведений России, соседствуя с богословскими предметами. Однако в 1849 году были введены существенные изменения в учебные планы университетов, причина которых состояла в политическом состоянии Западной Европы. Государь Император предложил Министру Народного Просвещения князю Ширинскому-Шихматову «представить соображение о том, полезно ли преподавание философии при настоящем предосудительном развитии этой науки германскими учеными, не следует ли принять меры к ограждению нашего юношества, получающего образование в высших учебных заведениях, от обольстительных мудрований новейших философских систем». В соответствии с предложениями, разработанными и представленными в докладе Министра в 1850 г., Высочайше повелено было упразднить преподавание философии светскими профессорами, возложив чтение логики и психологии на профессоров богословия, а программы по этим наукам составить по согласованию Министерства Народного Просвещения с Духовным ведомством – Святейшим Синодом. Новые единообразные программы составлены были и по богословским наукам: догматическому и нравственному богословию, церковной истории и законоведению. В отчете за 1852 г. Министр докладывал: «прекращение провозглашения с университетских кафедр мечтательных теорий под именем философии, с поручением чтения логики и психологии профессорам богословия, сроднило эти науки с истинами откровения». Упразднение кафедр философии повлекло преобразование философских факультетов, «так как философия не могла уже служить отличительным признаком целого факультета и присваивать ему своего названия». Указом 26 января 1850 г. философские факультеты были разделены на два самостоятельных: историко-филологический и физико-математический. Наряду со структурно-функциональной реорганизацией философских факультетов были даны строгие предписания усилить обучение религии взамен изучения философии. Заметим, что одновременно нормативными и распорядительными документами Министерства Народного Просвещения была ограничена университетская автономия, увеличен контроль за программами преподавания и за содержанием лекций, которые отныне требовалось согласовывать с центральным органом управления образования (министерством). Спустя почти десять лет, 2 декабря 1859 г., Министр Народного Просвещения А.С. Норов представил на Высочайшее воззрение ходатайство попечителей учебных округов о восстановлении самостоятельной кафедры философии, логики и психологии, и получил

повеление рассмотреть это дело в Главном Правлении Училищ. Позиция попечителей полностью совпадала с заключением Департамента, «что при совершенном изменении теперь направления современных идей, вполне отражающих в себе чисто утилитарные стремления века, не представляется никаких препятствий к восстановлению преподавания философии, если не в полном ее объеме, то по крайней мере в одной ее части, - истории философии, как науки, по преимуществу проясняющей истины и разрушающей предрассудки и стремления к материализму». Кроме того, вопрос был согласован и с церковными иерархами. Как сообщал Министр Народного Просвещения, митрополиты Московский и Киевский также настаивали на освобождении профессоров богословия от преподавания логики и психологии. В результате совместная позиция светских и церковных лиц по вопросу преподавания философии в университетах формулировалась следующим образом: 10-летний опыт вполне обнаружил неудобство совместного преподавания логики и психологии с богословием и вредные последствия этой меры для широты и основательности высшего образования. Высочайше утвержденным 22 февраля 1860 г. положением Главного Правления Училищ была восстановлена в университетах и Ришельевском Лицее кафедра истории философии, логики и психологии.

Иные подходы к развитию высшего образования начали реализовываться в советский период. Высшее образование начинает тесно увязываться с проблемой кадрового обеспечения и рассматривается как подготовка специалистов высшей квалификации для различных отраслей науки, техники и культуры. Развитие высшего образования планируется исходя из реальных потребностей хозяйственного и культурного строительства. Специалист – выпускник вуза – должен быть подготовлен к решению задач по своему профилю подготовки. Восстановление принципа вузовской автономии было заложено новым образовательным законодательством, принятым в России в середине 90-х годов уходящего XX века. Впервые в российской истории законодательно формулируется приоритет образовательных потребностей личности. Начинают складываться принципиально новые взаимоотношения министерства как органа исполнительной власти, ответственного за развитие высшего образования, и вузовской системы. Представляется, что для сегодняшнего дня важны не оценки прошлых исканий и реформ, а осмысление различных страниц отечественного исторического опыта деятельности министерства по становлению российского высшего образования как необходимой основы его дальнейшего развития.

М.Н. КОСТИКОВА,

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
КАНДИДАТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК